

Авраама Якова Паперна «О романе "Любовь в Сионе"» 1911 г. рассматривают ивритскую литературу как живые тексты, которые могут вызывать восхищение и возмущение, а не как исторические памятники, нуждающиеся, подобно «Слову о полку Игореве», в переводе на современный язык. В таких статьях авторы произведений оживают и начинают спорить. Гершон Шофман проклинает город, выславший жизнь из прекрасной сельской девушки («Лания»), и предостерегает против попытки ассимилироваться, показывая солдата, наувившегося прекрасно маршировать и забывшего, что он еврей («На посту»). Ури Нисан Несин рисует страшную картину из жизни неадекватного еврея, воздевающего свою надею. Мы видим как «схлестываются» сторонники возвращения евреев «к земле», к буквописскому сельскому труду, с противниками этой идеи. Юный мечтатель Хофни — персонаж рассказов «Теленок» и «Тени», раздираем противоречиями между мистическим и материалистическим мироощущением. Наконец, программная статья Ахад ха-Ама довершает дело, читатель погружается в этот котел идей и испытывает непреодолимое желание прочесть все доступные произведения того времени, чтобы, наконец, со знанием дела принять участие в споре. И куда только пропадает высокомерие «человека буддисто», который, видите ли, знает уже и о возрождении иврита в качестве разговорного языка, и о создании Государства, и о победоносных войнах этого государства и о его враждебных болезнях — арабо-израильском конфликте и смутном статусе религии, и поэтому якобы обладает абсолютной истиной, недоступной этим замшелым европейским фантазерам.

Сюрприз преподносит нам Агнон. В антологию вошел рассказ «Фернхайм». Этот рассказ, ранее не переведенный на русский, возможно разрушает стереотип, создавшийся об Агноне у русскоязычного читателя: Агнон героически исполнил собственным творчеством разрыв в ивритской литературной традиции, и в этом его подвиг. Читая: его произведение написано стилизованно под архаику с «четко прославленными национальными акцентами» и при этом кипит скрытыми цитатами (и не скрытыми цитатами), как лист Талмуда или глава из романа Умберто Эко «Имя Розы» вместе взяты, причем цитируются обычно классические еврейские тексты. Читатель спокойно расслабляется, решив не напрягаться, раз он все равно не учился в Воложинской Йешиве и не знает никаких классических текстов, да и уверен, что Агнон — это израильское «авсе» и потому, как и Плукин, переводу поддается плохо. «Фернхайм» не содержит в себе ни тени архаичности, его построение соответствует представлениям европейских критиков того времени, и при этом его никак не назавещать подражательным: в нем практически полностью отсутствуют цитаты из классических еврейских текстов, еврейское происхождение главных героев не имеет основополагающего значения, а вместо цитат нам предлагают играть в идишистскую ономастику.

Построение антологии может служить учебным целям, читатель может проследить, как постепенно исчезают программные статьи и в литературоведческих статьях остается все меньше идеологии и все больше места уделяется особенностям стиля и глубинам психологии; и, наконец, произведение Исхулит Гендель и Этгара Керета со всем свободны от идеологии. Конечно, ивритскую литературу не назавещать светлой. Рассказ часто ведется от лица ребенка, и это обостряет восприятие читателя, так как с ребенком легче самоотжестивиться. У Фейерберга и Бренера мы видим тусклую жизнь мальчика в Местечке с украденным хедером детством и новорожденными братьями, которые как будто родились только для того, чтобы умереть. Страшные экскурсы Ицхока Лейбуша Переца и Амоса Оза в историю антисемитизма констатируют бессмысленность как героической гибели, так и любых попыток борьбы с притеснителями. Наполненный ужасом Шоа Аппельфельдовский рассказ «Птицы». Причиной напряжения смертельного риска у Шамира. Боль войны у Хаима Гури и Исхулы Исхара. Муторные сомнения в справедливости войны у Самеха Исхара. Мрачные, абсурдистские пьесы Йосефа Бар-Йосефа «Трудные люди» и Ханоха Левина «Торговцы резиной» имеют общую черту — все их персонажи фатально несчастливы. Рассказ Якова Хургина «Самир» о мальчишке из дикого пустынного племени, единственным интересом в жизни которого являются мухи, рисует инстинктивный ужас человека перед убиством. Почитав этот рассказ, начинаешь сомневаться, так ли ужасна была жизнь мальчишка в Местечке. Стихи Хаима Ленского, несчастного ивритоязычного поэта, писавшего свои стихи в сталинском лагере и погбишего там, исполнены тоской по Эрец Израэль. Этот автор особенно интересен русскоязычному читателю, он развивает латентную тему с совершенно новой для нас стороны. Удивительно отгадывающий образ рассказчика создает Авраам Б. Исхашула. Молодой интеллигент, преподаватель математики, обнаруживающий некоторое сходство с Печоринным, то от скуки, то из мести мучает всех своих близких, в том числе трехлетнего сына своей возлюбленной.

Сквозь всю антологию проходит повторяющийся сюжет: ребенок страстно влюбляется в некое существо, а оно, пробыв с ним не много времени, погибает. Сначала, в рассказе Мордехая Зеева Фейерберга «Теленок» режут теленка, которого любит маленький Хофни, все его молитвы и даже обещание пожертвовать 18 грошей (по числу той матрицы слова «жизнь») в копилку Меира-Чудотворца не помогают. Мальчик из рассказа Шмуэля Йосефа Агнона «Птица моя» любит свою птицу, а она погибает, задев в огонь, и не оживает несмотря на молитвы мальчика и, опять, на обещание пожертвовать грош в копилку Меира-Чудотворца. А в рассказе Этгара Керета «Разбей поросенка» мальчик полюбил поросенка-копилку, который носит в себе свою пшеницу. Каждый раз, когда мальчик пьет какао, в поросенка кладут щеке, чтобы разбить его, как только копилка на-

полнится. Имя поросенка — Песахзон, то есть сын-жертва, предвещает мрачную развязку. Но наши тягостные ожидания, к счастью, не оправдываются. Мальчик вымалывает у отца еще день жизни для своего друга, обещая на следующий день выпить еще чашку ненавистного какао, чтобы положить последний шекель в копилку. Когда отец засыпает, мальчик уносит поросенка на пустырь и оставляет его там, спасая таким образом от молотка.

Рассказ этот — последнее художественное произведение в антологии и, кажется, место это выбрано составителями не случайно. Новое раскрытие этого сюжета в самом конце смягчает тяжелое настроение, созданное предыдущими произведениями.

Израильская литература богата и интересна. Никакая антология, даже столь мастерски сделанная, не может охватить ее целиком. Однако количество посвященных ей публикаций растет, и это говорит о том, что интерес к ней у русскочитающей аудитории жив, и вселяет надежду, что интересу этому не дадут угаснуть.

